

Диана
Чемберлен

Диана Чемберлен

СУПРУГА БЕЗ ИЗЪЯНА,
ИЛИ ТАЙНА КРАСНОЙ ЛЕНТЫ

Москва 2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ч-42

Diane Chamberlain
KEEPER OF THE LIGHT

Copyright © Diane Chamberlain, 1992.
This edition published by arrangement with Writers House LLC
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *И. Крупичевой*
Художественное оформление *Д. Сазонова*

Чемберлен, Диана.

Ч-42 Супруга без изъяна, или Тайна красной ленты / Диана Чемберлен ; [пер. с англ. И. Ю. Крупичевой]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 448 с. — (Роман-потрясение. Д. Чемберлен).

ISBN 978-5-699-81301-8

Рыжеволосая художница Анни — всеобщая любимица, ее даже прозвали Святой. Но в рождественскую ночь случается беда: Анни убивает какой-то безумец. Тяжело переживают потерю муж и дети...

Оливия Саймон, врач, которая пыталась спасти ее жизнь в ту роковую ночь, хочет понять, в чем заключался секрет обаяния Анни. Почему супруг Оливии поддался этому волшебству и оставил жену ради платонической любви к художнице?

И такой ли безгрешной была на самом деле Анни?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-81301-8

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформлении.
ООО «Издательство «Э», 2015

1

Рождество

1990 год

Весь день не переставая шел дождь. Он лил с такой силой, что кусты вокруг стоянки у здания больницы склонились к самой земле, а новая крыша начала протекать. Одна из медсестер поставила ведро на пол в приемной, и через час оно было полно до краев.

Оливия Саймон смотрела на потоки дождя через широкое окно своего кабинета. Шум воды мешал сосредоточиться, и журнал на ее столе по-прежнему был открыт на той же самой статье, которую она начала читать час назад. В этом дожде было что-то неестественное. Он высасывал кислород из воздуха, и дышать становилось труднее. Оливии казалось, что капли колотят по ее голове, будто дробинки по пустой консервной банке. Но стоило ей только подумать, что у нее больше нет сил выносить этот грохот, как он стих. Оливия смотрела на небо, и у нее на глазах оно становилось светлее, сияющим оттенком напоминая внутреннюю сторону яичной скорлупы. И так же неожиданно пошел снег.

Оливия вышла в приемный покой, где последние два часа, удивительно спокойных, Кэти Браш и Линн Уилкс играли в карты.

— Пошел снег, — сообщила им Оливия.

Медсестры подняли на нее глаза, отрешенные из-за вынужденного безделья, потом медленно повернули головы к окну.

— Невероятно. — Линн встала, чтобы лучше видеть, и полой халата сбросила со стола несколько карт.

— Похоже, на Внешней косе это становится традицией, — заметила Кэти. — На прошлое Рождество тоже шел снег.

Оливия взглянула на часы. Половина шестого. Сегодня она не могла задерживаться на работе.

Линн снова села и поинтересовалась:

— Присоединишься к нам, Оливия?

Она отказалась и вернулась к себе в кабинет. Этим вечером она не могла заставить себя присоединиться к девушкам. Оливия слишком нервничала, поглощенная своими мыслями. Ей необходимо было поскорее попасть домой.

Она села за стол и набрала номер домашнего телефона.

— Снег пошел, — сказала она, когда Пол взял трубку.

— Да, я знаю. — Голос мужа звучал раздраженно. Оливия уже начала привыкать к тому, что Пол часто бывает не в духе. — Когда ты намерена появиться дома?

— Скоро, мне осталось всего полчаса.

Оливии пришлось дежурить на Рождество. Из четырех врачей, работавших в отделении неотложной помощи в Килл-Дэвил-Хиллз, она была самой молодой. Она была бы рада сказать Полу, что не зря вышла на работу, не напрасно оставила мужа в одиночестве, когда им так необходимо проводить побольше времени вместе. Но за долгие одиннадцать часов дежурства ей пришлось заниматься только оцарапанной коленкой и несварением желудка после праздничной индейки. В такие дни Оливия понимала, что скучает по напряженному темпу жизни Вашингтонской городской больницы, где она проработала последние десять лет, хотя из-за этого сложно было контролировать свое рабочее расписание. В первые годы брака она боялась надолго расставаться с Полом. Когда Оливия не могла к нему прикоснуться, она начинала бояться, что он исчезнет.

Прошрое Рождество они провели с его родителями в Филадельфии. Пол написал стихотворение ей в подарок и каким-то образом ухитрился вышить его по шаблону в те часы, когда она работала, а он был свободен. Вышивка теперь висела дома в ее кабинете. И всякий раз, глядя на нее, Оливия удивлялась,

как быстро исчезло то теплое, нежное чувство, которое Пол испытывал к ней всего лишь год назад.

— Индейка уже пережарилась, — пробурчал Пол. — Может быть, я выну ее из духовки?

Оливия собралась ему ответить, когда ожила полицейская рация, стоявшая в холле у двери в ее кабинет.

— Подожди минутку, Пол, — попросила она и прислушалась к тому, что говорит Кэти, севшая перед приемником.

— Килл-Дэвил-Хиллз, отделение неотложной помощи, — ответила Кэти.

— У нас пулевое ранение в грудь, — донесся сквозь потрескивание мужской голос. — Женщина, около сорока, пульс нитевидный, сто пятьдесят в минуту. Давление семьдесят пять на сорок.

— Когда вас ждать? — спросила Кэти.

— Через пятнадцать минут. Может быть, через двадцать. Проклятый снег!

Оливия встала.

— Пол, я должна идти, — сказала она мужу, положила трубку и торопливо пошла в смотровую. — Позвони Джонатану, — бросила она на бегу Кэти.

Ей не нравилось работать с Джонатаном Кремером, но именно его она должна была вызвать в случае необходимости, да и жил он ближе всех. Он сможет приехать через несколько минут.

Оливия готовилась к операции, когда появился Джонатан.

— Значит, пулевое ранение, — хмыкнул он, закатывая рукава и принимаясь намыливать руки. — Мы стабилизируем ее состояние и отправим на вертолете в Норфолк, в Мемориальную больницу Эмерсона.

— Мы еще ее не видели, — парировала Оливия и включила монитор электрокардиографа.

— Ей потребуется специальная бригада.

Оливия принялась выкладывать все необходимое для интубации. Джонатан раньше работал в сонной провинциальной больнице в Луизиане и, вероятно, не слишком уверенно чувство-

вал себя, если речь шла о пулевом ранении. Он проработал на Внешней косе чуть больше года, став первым врачом в только что созданном отделении неотложной помощи, единственном в этих местах. Оливии обещали, что она будет в равном с ним положении, что у нее будет такое же право голоса, как и у Джонатана Кремера. Но иногда у нее создавалось впечатление, что об этом забыли предупредить Джонатана.

— Давай сначала посмотрим ее, — примирительно предложила она.

К тому моменту, когда двое парамедиков привезли раненую, смотровая была уже готова. С женщины уже срезали блузку и лифчик, и в левой груди виднелась очень маленькая ранка. Крови не было. Это могло означать только одно: пуля попала прямо в сердце. Оливия понимала, что пострадавшей требуется немедленная операция, другого выхода не было.

— Неси операционный набор, — обратилась Оливия к Кэти.

— Что? — воскликнул Джонатан, помогавший одному из парамедиков надеть на женщину специальный противошоковый костюм. — Забудь об этом, Оливия. Давай отправим ее в Норфолк.

— Принеси два пакета с кровью, первая группа, резус отрицательный. — Оливия обращалась к Линн, одновременно проверяя жизненные показатели раненой. Вертолет доставит пострадавшую в больницу только через сорок минут. Пройдет еще не меньше пятнадцати минут, прежде чем она окажется в операционной. — Женщина не протянет так долго, — ответила она Джонатану.

Кэти принесла поднос с хирургическими инструментами. Они негромко позвякивали, потому что у медсестры тряслись руки. Она заколола темные волосы, и Оливия пожалела, что не догадалась сделать то же самое. Ее волосы были чуть длиннее подбородка, и стоило ей наклонить голову, как они падали вперед, заслоняя все.

— Ты шутишь, — возмутился Джонатан. — Мы не можем здесь оперировать.

— Пятьдесят на тридцать, — громко объявила Линн, — пульс на руке не прощупывается.

— Вливай ей физраствор, — приказала Оливия. — Джонатан, прошу тебя, сделай надрез. — Женщина нуждалась в переливании крови.

— Оливия, здесь тебе не округ Колумбия! Для операции необходима специальная бригада.

— Начинай вводить физраствор, — обратилась Оливия к Линн, — и эпинефрин. И повесь мешки с кровью на штатив. — Потом она обернулась к Джонатану: — Послушай, разумеется, мы можем отправить ее в Норфолк. Только мы оба знаем, что она умрет по дороге. Здесь не идеальные условия для операции, но это ее единственный шанс. — Оливия снова повернулась к столу и сама сделала надрез на паховой вене и выбрала иглу для переливания крови.

— Я могу это сделать. — Кэти взяла иглу из рук Оливии и ввела в вену. Руки у нее больше не дрожали. Оливия восхитилась тем, как быстро молодая женщина справилась со страхом и растерянностью.

Джонатан ожег ее яростным взглядом.

— Я не желаю в этом участвовать. Я вызываю вертолет. — Развернувшись на каблуках, он вышел из смотровой.

Оливия ошеломленно посмотрела ему вслед, потом повернулась к одному из парамедиков.

— Вызовите сюда доктора Шелли, пусть приедет как можно быстрее. — Оливия принялась протирать раствором бетадина грудь и бок женщины. Потом надела стерильные перчатки, которые протянула ей Линн.

— Может быть, все-таки следовало бы отправить ее в Норфолк, — негромко сказала Линн. У нее на лбу блестели капельки пота.

— Мы сделаем все, что в наших силах, Линн. — Оливия взяла с подноса другой скальпель и заметила, что у нее самой дрожат руки. Она вдруг остро осознала, что осталась единственным врачом в смотровой. «Ну-ка, возьми себя в руки», — приказала

себе Оливия. Когда она приставила скальпель к груди женщины, между ребрами, то почувствовала, что полностью контролирует себя. Оливия сосредоточилась на том, что ей предстояло сделать. Она сделала надрез. Крови не было. Скальпель пошел дальше, сквозь мускулы, к ребрам. Кровь неожиданно хлынула из разреза, залив хирургический костюм Оливии и пол. Женщина-парамедик, стоявшая рядом, охнула.

— Давления нет, — сообщила Линн, — пульса тоже.

Оливия посмотрела на ровную зеленую линию на мониторе электрокардиографа. Она почувствовала, что у нее на лбу выступила испарина. Они ее теряли. Для операции на сердце требовалось раздвинуть ребра, но, посмотрев на поднос, Оливия не увидела необходимого инструмента.

— У нас нет расширителя?!

Кэти только покачала головой.

Разумеется, у них не было такого инструмента. Оливия снова взялась за скальпель и им развела ребра. Сунув левую руку в образовавшееся отверстие, она осторожно согнула пальцы вокруг сердца женщины, провела большим пальцем по сердечной мышце, пытаясь найти входное отверстие от пули. Она быстро нашла маленькую ямочку на гладкой поверхности сердца и закрыла ее пальцем, чтобы остановить кровь. Потом она нащупала выходное отверстие, прикрыла его средним пальцем и почувствовала, как сердце сокращается в ее ладони. Оливия подняла голову, чтобы посмотреть на монитор, и тут же услышала радостный возглас Кэти:

— Есть пульс!

Оливия только сейчас перевела дыхание. Теперь им оставалось только ждать прихода Майка Шелли, заведующего отделением неотложной помощи. Оливия не знала, сколько сумеет простоять в крайне неудобном положении. Она согнулась и немного присела, чтобы удерживать в руках сердце, закрывая при этом сквозную рану. Если Оливия хоть немного сдвинет пальцы, женщина умрет. Все так просто. Но у Оливии уже начали дрожать мышцы ног, заныли плечи.

Она услышала шум приближающегося вертолета, потом привычный звук, когда машина села на крышу здания. Оливия надеялась, что вертолет им еще понадобится, что они сумеют залатать сердце пострадавшей и стабилизировать ее состояние, чтобы она перенесла полет.

Оливия в первый раз за все время посмотрела на лицо раненой. У нее была белая кожа, немного веснушек на носу и щеках, никакой косметики. Волосы были длинными, тяжелыми, рыжими, очень красивого красноватого оттенка, напоминающего цвет древесины вишневого дерева. Они спадали со стола волнистым водопадом. Женщина казалась моделью из рекламы шампуня для волос.

— Кто в нее стрелял? — спросила Оливия, поднимая глаза на молодого парамедика, стараясь отвлечься от своего неудобного положения.

Лицо парня было таким же белым, как лицо раненой. Карие глаза расширились от ужаса.

— Она была волонтеркой в приюте для женщин в Мантео, — ответил он. — Туда вошел мужик, он угрожал своей жене и детям, и эта женщина прикрыла их собой.

Приют для женщин, пострадавших от домашнего насилия. Оливия ощутила боль в груди. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы задать следующий вопрос:

— Кто-нибудь знает, как ее зовут?

— Анни, — ответил парамедик. — То ли О'Брайен, то ли еще как-то.

— О'Нил, — прошептала Оливия, но так тихо, что ее никто не услышал.

Она снова взглянула на распростертое перед ней тело с бело-снежной кожей, на полные груди, усыпанные веснушками, на тонкую талию. Оливия закрыла глаза. У нее горели плечи, кончики пальцев онемели. Она уже не могла сказать, прикрывают они отверстия от пули или нет. Оливия перевела взгляд на монитор. Электрокардиограф подскажет ей, если ее пальцы начнут сползать.

Неужели прошел всего месяц с тех пор, как Пол написал статью для журнала «Морской пейзаж»? Оливия не забыла фотографии витражей, сделанные в мастерской Анни Чейз О'Нил. Женщина в шелках, синяя цапля, закат в песках. Пол изменился после этой статьи. Не только Пол, все изменилось.

Вошел Майк Шелли, и Оливия заметила шок в его глазах при виде открывшейся перед ним картины. Но он быстро вымыл руки и через несколько секунд уже стоял с ней рядом.

— Где Джонатан? — спросил он.

— Доктор Кремер уверял, что раненую необходимо отправить в Норфолк, а я сочла, что мы ее единственный шанс. Поэтому он отправился вызывать вертолет и больше не вернулся.

Майк уже держал в руке специальную иглу с загнутым концом.

— Пострадавшую и в самом деле надо было отправить в Норфолк, — сказал он очень тихо, его губы шевелились почти у самого уха Оливии. — А так ее кровь будет на твоих руках.

У Оливии защемило глаза. Неужели она приняла неверное решение? Нет, эта женщина не пережила бы перелет. В этом Оливия была абсолютно уверена.

Майку пришлось работать вокруг ее пальцев. Если бы она сдвинула их хотя бы на миллиметр, кровь хлынула бы из отверстий. Боль уже не отпускала плечи Оливии, дрожь с ног перешла на все тело. Но она не меняла положения, пока Майк подsunул крохотную заплатку под ее палец и пришил ее. Но выходное отверстие залатать было намного труднее. Оно было большим, и закрыть его, не повредив при этом сердце, оказалось невозможно.

Оливия видела, что лоб Майка прорезали глубокие морщины, пока он сражался с иглой.

— Прощу тебя, Майк, — прошептала она.

Но он только покачал головой, сдаваясь. Заплатка не держалась, кровь сначала просачивалась, а потом хлынула из пробитого сердца. Оливия чувствовала его тепло в своей ладони. Она видела на мониторе, как зеленая линия заскакала, потом превратилась в прямую. В смотровой повисла тягостная тишина.

Никто не двигался. Все молчали. Оливия слышала прерывистое, частое дыхание Майка, звучащее в такт с ее собственным. Она медленно выпрямилась, охнула от боли в спине и посмотрела на Кэти:

— Родственники здесь?

Медсестра кивнула:

— Да, приехали муж и дети. Мы вызвали Кевина, и он с ними в комнате ожидания.

— Я с ними поговорю, — вызвался Майк.

Оливия покачала головой.

— Это следует сделать мне. Я была с ней с самого начала.

Она развернулась и направилась к выходу. Майк перехватил ее.

— Постой-ка, лучше тебе переодеться.

Оливия посмотрела на свой залитый кровью хирургический костюм и засомневалась в своих силах. Она явно была не способна мыслить здраво.

Переодевшись в комнате отдыха, Оливия вышла в небольшую, уединенную комнату ожидания. Через большое окно в коридоре она видела, как в темноте пляшут крупные снежные хлопья. Ей захотелось хотя бы на минуту выйти на улицу. У нее все еще ломило тело от напряжения и неудобной позы, и ей отчаянно не хотелось разговаривать с семьей Анни. Она надеялась, что Кевин Рикерт, социальный работник, подготовил их к тому, что им предстояло от нее услышать.

Кевин вздохнул с облегчением, увидев ее.

— Это доктор Саймон, — сказал он.

Перед Оливией стояли трое: девочка лет тринадцати, поразительно похожая на Анни, парнишка, на несколько лет старше, и мужчина. Она поняла, что это муж Анни, Алек О'Нил. Темноволосый, высокий, худой, но мускулистый, он был в джинсах и голубом свитере. Он неуверенно протянул ей руку, а очень светлые голубые глаза словно спрашивали, какое будущее его ждет.

Оливия быстро пожала протянутую руку.

— Здравствуйте, мистер О’Нил. — Она старалась говорить медленно, отчетливо. — Мне очень жаль. Пуля прошла через сердце. Повреждения оказались слишком серьезными.

В его глазах все еще светилась надежда. Но его сын сразу все понял. Он казался юной копией своего отца, те же черные волосы, голубые глаза под темными бровями. Он отвернулся к стене, ссутулился, но не произнес ни звука, не заплакал.

— Вы понимаете, что говорит вам доктор Саймон? — уточнил Кевин.

Алек продолжал не мигая смотреть на Оливию.

— Вы хотите сказать, что Анни умерла?

Оливия кивнула:

— Мне очень жаль. Мы пытались спасти ее, но...

— Нет! — Девочка бросилась к Оливии, толкнула, попыталась ударить. Кевин успел перехватить ее руку. — Она не может умереть! — крикнула дочь Анни. — Крови совсем не было!

Алек О’Нил обнял дочь, прижал к себе.

— Тише, Лэйси.

Оливия погладила девочку по плечу. Откуда она знает, что крови не было?

— У нее было внутреннее кровотечение, дорогая, — объяснила Оливия.

Девочка сбросила ее руку:

— Я вам не дорогая.

Алек О’Нил крепче прижал к себе дочь, и она начала всхлипывать, уткнувшись ему в грудь. Оливия посмотрела на Кевина. Она чувствовала себя беспомощной.

— Я побуду с ними, — пообещал Кевин.

Оливия подошла к двери, но на пороге обернулась и еще раз посмотрела на семью Анни Чейз О’Нил.

— Если у вас возникнут вопросы, вы можете позвонить мне.

Алек посмотрел на нее через комнату, и Оливия подняла голову, заставляя себя смотреть в его глаза, в которых плескалась боль. Он лишился дорогого существа. А что она может дать ему взамен?

— Анни была очень красивой, — прошептала Оливия.

Джонатан и пилот вертолета стояли в коридоре, и Оливии пришлось пройти мимо них, когда она возвращалась в свой кабинет.

— Отличная работа, — насмешливо бросил Джонатан.

Оливия проигнорировала его, вошла в свой кабинет, плотно закрыла за собой дверь и распахнула окно, впуская холодный воздух. Снег все еще шел, но так тихо, что когда Оливия затаила дыхание, то услышала рокот океана.

Вскоре к ней заглянул Кевин.

— С тобой все в порядке, Оливия?

Она оторвалась от окна и села за свой стол.

— Да. А как ее семья?

Кевин вошел в кабинет.

— Отец и сын пошли попрощаться с ней. — Он сел напротив нее. — Девочка не захотела. Надеюсь, с ними все будет в порядке. Хорошая, крепкая семья, но мать была опорой, так что наверняка ничего нельзя сказать. — Кевин покачал головой: — Иногда жизнь чертовски несправедлива, правда?

— Да.

— Я вижу, тебе тоже нелегко.

Оливия почувствовала, как по щеке скатилась слеза. Кевин вытащил бумажный носовой платок из пачки на столе и протянул ей.

— Кремер настоящий сукин сын, — заявил он.

— Я в порядке, — Оливия выпрямилась, высморкалась. — Слушай, тебе когда-нибудь приходилось успокаивать Джонатана или Майка, давать им платок?

Кевин улыбнулся.

— А ты думаешь, что у женщин исключительное право на то, чтобы чувствовать себя последним дерьмом?

Оливия вспомнила, как смотрел на нее Алек О'Нил, когда она выходила из комнаты ожидания. Ей никогда не забыть выражения его глаз.

— Думаю, нет. Спасибо, что заглянул ко мне, Кевин.